

УДК 93/94

Галкин Александр Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета
alex-amway@inbox.ru

**ПРАВОСУДИЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯН:
ВОЛОСТНЫЕ И МИРОВЫЕ СУДЫ
В ОЦЕНКЕ КРЕСТЬЯН И ОБРАЗОВАННОГО
ОБЩЕСТВА (1870-1880-е гг.)**

В статье осуществлен анализ процесса формирования системы судебных учреждений, призванных обеспечить осуществление правосудия в пореформенной российской деревне, показаны основные проблемные моменты, трудности, возникавшие в данной сфере. Особое внимание уделено освещению специфики общественного восприятия основных судебных институтов для крестьян – волостных и мировых судов.

Ключевые слова: судебная реформа, мировой суд, волостной суд, крестьянское правосознание.

Крестьянская реформа 1861 г., коренным образом изменившая социальный строй России, весьма остро поставила и вопрос о необходимости создания правоохранительной и судебной системы, адекватной задачам времени. Внимание реформаторов изначально в большей степени привлекали проблемы формирования системы общих (коронных) судов, в то же время им предстояло найти ответ на принципиальные вызовы, порожденные потребностью в организации судопроизводства на огромных пространствах сельской России.

Следует подчеркнуть, что создание комплекса судебных институтов для крестьянской массы было предопределено конкретными российскими реалиями, состоявшими, с одной стороны, в тотальной неграмотности села, создававшей практически непреодолимые преграды на пути использования норм формальной законности, а также в отсутствии сколько-нибудь образованных кадров, способных осуществлять судопроизводство. Учитывая это, правительство уже в 1861 г. пошло на формирование системы самостоятельных волостных крестьянских судов, призванных рассматривать дела, возникавшие между крестьянами – общинниками на основе народного правосознания, «обычая». С другой стороны, реформаторам следовало в полной мере учесть интересы прежде абсолютно доминировавших на селе помещиков, рассматривавшихся к тому же как особый просвещенный слой, способный воспринять лучшие достижения мировой судебной практики. Исходя из конечной неизбежности перехода к судопроизводству, основанному на нормах закона, но учитывая ограниченность имевшихся финансовых и кадровых ресурсов, правящие круги сде-

Galkin Aleksander Georgievich

PhD in Law, Associate Professor of
Kuban State Agrarian University
alex-amway@inbox.ru

**JUSTICE FOR PEASANTS: VOLOST
AND JUSTICE COURTS UNDER
ASSESSMENT OF PEASANTS
AND EDUCATED SOCIETY (1870-1880)**

The article analyses the process of formation of the system of legal institutions called to provide the execution of justice in the post-reformed Russian village; introduces the main problematic moments and difficulties occurred in the sphere. Much attention has been paid to cover the specific character of public perception of the main legal institutions for peasants i.e. volost and justice courts.

Key words: judicial reform, justice court, volost court, peasant legal consciousness.

лали ставку на развитие такой формы формального судопроизводства, как мировой суд (1864 г.). Так в России началось создание сложной системы местных судов, включавшей мировые и сословные волостные суды.

Заметим, что, сочетая в себе столь разноплановые, разнородные институты, система местного суда развивалась весьма противоречиво, вызывая все более острую полемику в образованном обществе. Но если мировой суд с первых своих шагов вызвал большие симпатии (да это и не могло быть иначе, поскольку он стал полем деятельности массы общественно активных представителей просвещенного общества), то волостному суду явно не повезло. Многим передовым, просвещенным деятелям сам факт существования крестьянского суда казался дикостью. В либеральной печати его решения все чаще становились предметом насмешек, вышучивания. Примечательно, что, обладая более высоким социальным статусом, мировые судьи свысока смотрели на волостные суды. К примеру, председатель Люблинского съезда мировых судей (Ярославская губерния) подчеркивал: «Обычное право настолько не разработано у нас, что волостные суды могут назвать обычаем всякое безобразие и привить его к народным нравам». По его мнению, крестьянин в волостном суде выступал уже не как представитель общества, не как хранитель обычая, а скорее как маленький чиновник-самодур, к тому же малограмотный [1, с. 22].

Указанные аргументы лежали в основе мощного движения за отмену волостных судов. Эта тема широко обсуждалась в прессе. Причем дискуссии разворачивались даже в рамках одного журнала. При этом одни авторы высказы-

вались за полное упразднение [2, с. 8], другие – за ограничение компетенции и усиление контроля за деятельностью волостных судов [3].

В целом среди нерешенных проблем российского судопроизводства противоречия, порожденные параллельным существованием мировых и волостных крестьянских судов, выдвинулись на передний план. Представление о мировых судах как значительно более прогрессивных учреждениях доминировало в либеральной печати пореформенной эпохи. Эта точка зрения преобладает и у современных исследователей, фиксирующих внимание на том, что, хотя правительство усиленно поддерживало существование обычного права у крестьян, они все более активно проявляли нежелание судиться в волостных судах, облик которых определяла явная архаика (телесные наказания и пр.). Впрочем, на наш взгляд, реальная картина не была столь однозначной.

Мнение общественности не могло не быть услышано реформаторами. В итоге для изучения вопроса о волостных судах в 1872 г. правительством была создана специальная комиссия министерств юстиции и внутренних дел под руководством сенатора Любощинского.

Сам факт учреждения правительственной комиссии существенно усилил интерес публицистов к проблеме, дополнительно стимулировал число публикаций, выяснявших вопрос о том, удовлетворяет ли волостной суд своему назначению. На основе обширных материалов исследователи показали многочисленные трудности на пути становления волостных судов, в частности, акцентировали внимание на нежелании крестьян избираться в судьи (хлопотная работа без вознаграждения, где можно «нажить врагов» и пр.), на зависимости судей от волостного старшины и писаря («не послушаться – нельзя; старшина замучает за недоимки, со свету сживет»). Как следствие, они приходили к выводу о том, что «судейство в волостях обратилось в такую повинность, которую всякий старается с себя свалить». В конечном счете вопрос об эффективности волостных судов был признан явно неоднозначным: «На этот вопрос можно ответить весьма условно, как условно можно ответить об удовлетворенности мировым или окружным судами ... Что волостной суд не может называться вполне удовлетворительным, это факт, и что неудовлетворительность эта, главным образом, зависит от экономического состояния крестьян, это также не подлежит сомнению. Из многих наблюдений доказано, что в одном и том же уезде в волостях сравнительно богатых волостной суд лучше, а в волостях бедных – хуже». В богатых волостях «и жалованье судьи получают, и сами состоя-

тельны, да и старшина на богатых крестьян не может иметь большого влияния» [4, с. 85-86].

Тем не менее и вполне объективные авторы настаивали на том, что обычное право отмирает: «Право это, хотя и применяется волостным судом, но в весьма редких случаях и почти исключительно в спорах о наследстве. Но и в этом единственном случае обычное право мало-помалу теряет свое значение, потому что на него сильно влияют решения мировых и общих судебных учреждений». В то же время волостные судьи все чаще обращались к ч. 1 X тома гражданского законодательства, к местному положению от 19 февраля 1861 г., многим другим уставам. В конечном счете в деятельности волостных судов прослеживалось явное несовершенство их правового обеспечения: «Вообще обычаи так шатки и неуловимы, что трудно заранее определить, чего в данном случае придержится суд: обычая ли, или внушения свыше, или совета старшины или писаря. Словом, совершенный простор в решениях не гарантирует ни обычного, ни какого другого права». С другой стороны, вполне справедливо указывалось на то, что волостные суды постоянно вторгались в компетенцию мировых и окружных судов: «Сплошь и рядом волостной суд или сельский староста мирит дела о кражах, грабежах, тяжких побоях и т.п. преступлениях, не подлежащих, по общему закону, примирению. Все это и сходит с рук, особенно, если не донесет куда следует писарь или не усмотрит мировой посредник» [5, с. 86-87].

В целом признавая обоснованность критики волостного суда («ибо странно хвалить мужицкий суд, когда так много порицаний слышно даже на мировой дворянский суд»), беспристрастные современники были вынуждены согласиться с неизбежностью его существования в бедной, неграмотной крестьянской стране. Этот вывод еще более укрепился в результате деятельности комиссии по преобразованию волостных судов. В частности, согласно ее итоговому отчету, своим волостным судом были довольны и не изъявляли желания судиться у мирового судьи 160 обследованных волостей. Были довольны своим судом и не упоминали о мировом 63 волости. Выражали одобрение волостному суду, но одновременно требовали права судиться и у мирового 134 волости. Считали, что мировой суд лучше, но видели необходимость сохранить волостной суд 32 волости. И только крестьяне 15 волостей однозначно высказывали недовольство волостными судами. На этом фоне гораздо более скептическое отношение проявляли крестьяне к мировым судьям: мировой судья «дел наших порядком не разбе-

рет»; «все вернее, когда трое своих судят, нежели один, да притом еще чужой»; судиться только у мировых «и дорого, и жутко судиться, да и ходить туда далеко» [6, с. 28, 29].

Впрочем, крестьяне не идеализировали свой суд, видели его недостатки и воспринимали вопрос о суде житейско-философски: «без жалования хорошие люди неохотно идут в судьи – кому охота и время даром терять, и врагов наживать»; жаль, что судьи «не всегда грамотные»; «всякий пойдет в тот суд, где лучше судят» [7, с. 326, 384, 347].

Обнародование материалов комиссии, безусловно, скорректировало позицию многих либеральных изданий. Даже журналы, критиковавшие волостные суды, теперь были вынуждены уточнять свою точку зрения. После долгих разговоров о том, «действительно ли пригоден русскому человеку его исторический смердий суд и нейдет ли он вразрез с судебными уставами 20-го ноября 1864 года... не деморализует ли он русского человека, не тяготится ли им русский крестьянин», ведь теперь он полноправный – и земский гласный, и присяжный заседатель, оказался, что сам крестьянин в своем суде заинтересован. В данном контексте ряд авторов либерального толка были вынуждены признать, что волостной суд соответствует состоянию русского крестьянского общества, причем «если крестьянский суд дурен, то пусть сам дворянский суд первый бросит в него камень, коли считает себя безгрешным» [8, с. 189, 237].

Расплывчатость, разноречивость представлений образованного общества о назревших проблемах крестьянского правосудия сохранялась и много позднее. Одни авторы, особенно профессиональные юристы, все более настойчиво предлагали соединить волостной и мировой суд в единую систему [9, с. 92]. Другие считали это нецелесообразным: поскольку в течение 1860–1870-х гг. шел «процесс превращения нашего мирового суда в орган формального правосудия», пропасть между мировыми и волостными судами ширилась. «В характере проявляемого мировыми и волостными судами правосудия есть принципиальная разница. Мировые учреждения... преследуют формальную справедливость... Волостной суд решает дела... на основании обычая и соображения всех индивидуальных особенностей каждого отдельного случая». В данной связи справедливое решение волостного суда очень часто не удовлетворяло требованиям формальной законности. Более того, на деле крестьяне судили даже не по обычаю, а по совести, по справедливости, «побожески». Современники справедливо отмечали: «При разрешении дела волостные судьи редко сознательно руководятся тем или другим обычаем. Они решают его просто по чувству справедливости... Волостные судьи не

станут совещаться между собою об обычаях, которые следует иметь в виду при постановлении по спорному делу решения, подобно тому, как коронные судьи совещаются о законах. На волостном суде, обыкновенно, и речи не заходит собственно об обычаях». Таким образом, напрашивался вывод: существенное различие правовых систем, которыми руководствуются эти суды, «делает невозможным ни их слияние, ни иерархическое подчинение первого второму» [10, с. 47-48, 50].

В целом вопрос не получил разрешения и к началу 1880-х гг. Более того, споры о порядке взаимодействия мировых и волостных судов в это время вспыхнули с новой силой. В частности, в 1879 г. очередная комиссия предложила поставить волостные суды под контроль мировых судей. Однако этот даже не заявленный еще проект «не удовлетворил в полной мере» ни одно серьезное издание. Критикуя его с различных сторон, оппоненты обнаружили согласие только в одном: необходимо изъять волостные суды из ведения административных учреждений в лице уездных по крестьянским делам присутствий [11].

Схожее с отмеченной идеей предложение привлекать волостных судей для разрешения апелляции в мировом суде [12, с. 168] также встретило серьезные возражения. По мнению умеренных деятелей, «надо думать, что волостные судьи, решающие подведомственные им дела по чувству справедливости, согласующемуся с духом обычаев, могут быть очень плохими наставниками мировых судей по вопросам обычного права». Очевидным им представлялось и другое: «предположения о возможности совместного разбирательства дел мировым судьей и волостными судьями из крестьян отзывается идеализированием наших теперешних мировых судей». Ведь странно было бы питать надежду на то, что мировые (в основном из бывших помещиков) «сразу же снизойдут с недостижимой для крестьян высоты своего общественного, имущественного и сословного положения и станут поучаться у них народным юридическим обычаям». Еще не так давно крестьяне эти даже «не дерзали проходить с шапкою на голове мимо их дома» [13, с. 51].

В начале 1880-х гг. было совершенно очевидно: если о мировом институте почти сразу после его введения в обществе установилось определенное позитивное представление, то о волостном суде длительное время существовали самые разноречивые мнения.

В итоге в печати отразились тенденции упразднения или ограничения компетенции волостных судов, с одной стороны, и оптимизации их работы – с другой. К примеру, гласные Новоторжского уезда Тверской губернии требовали изъять из ведения волостного суда «все уголовные дела и все гражданские отношения, не ка-

сающиеся прав и обязанностей крестьянина как члена общины» [14, с. 54]. Отдавая должное необходимости адекватно воспринимать крестьянские реалии, ряд авторов выдвигали предложение, чтобы мировые судьи не самостоятельно рассматривали апелляции на решения волостных судов, а приглашали в таких случаях «для совместного суждения» двух волостных судей, не участвовавших в вынесении обсуждаемого решения. Таким образом, доминанта рассуждений оставалась прежней: «Когда у нас заходит речь об изменениях в теперешнем устройстве волостного суда, чаще всего при этом имеется в виду или «слияние» его с мировым судом или подчинение ему» [15, с. 41-42].

В свою очередь защитники волостного суда, не отрицая его слабых сторон, справедливо констатировали: «Волостные судьи имеют в деревенской общественной жизни такое же важное значение, какое имеют мировые судьи в городах» [16, с. 57]. К тому же они обращали внимание на издержки в работе суда мирового. В принципе соглашаясь с его важной ролью в сфере защиты прав крестьян, они указывали на целый ряд явных проблем. Так, один из мировых судей Тверской губернии отмечал, что он просто завален составленными урядниками бессмысленными материалами [17].

Следует подчеркнуть, что полиция все же чаще находила полное понимание у мировых судей: «Громко кашлянул мужик – штраф за нарушение общественной тишины и спокойствия; высморкался в полу – несоблюдение санитарных условий; свинью по улице пустил – также подыскивается соответствующая статья Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [18]. Более того, полицейские чины повсеместно брали на себя роль судей. Газеты много писали о том, «как далеко может простираться опека закона над мужиком», о массе регламентаций (строительство не только домов, но и амбаров, риг, курятников, борьба с хищными зверьми и пр.). Отсюда следует вывод: в российской деревне в немалой степени благодаря вмешательству извне «закон преследует его (крестьянина. – А.Г.) на каждом шагу» [19, с. 68].

Не укрылось от внимания авторов и то, что мировые судьи и съезды судей, стремясь принизить роль волостных судов, сами нарушали закон. Как писал В. Назарьев, «явилось даже какое-то, не имевшее законного основания, но все более и более входившее в обычай подчинение волостных судов мировым судьям; даже установился контроль последних над первыми, так что некоторые из судей, при передаче дел на волостной суд, требовали копий с постановленных по тем делам решений» [20, с. 133].

В целом волостному суду диктовали все – и урядник, и становой, и исправник, и мировые

судьи и пр. Мировые судьи постоянно отменяли решения волостных судов (особенно по имущественным делам). Опыт взаимодействия крестьянина с «законом» показывал, что там, где «мировой посредник сажал судей за неправое, по его мнению, решение дней на семь в полицию. Теперь мужик как отслужит судьей один год, как не попадет в ответственность или в полицию, так и слава Богу, уже более в судьи не пойдет» (Богородский уезд) [21, с. 77-78]. В силу этого для крестьянской массы закон представлял некую внешнюю, причем чуждую силу. В данной связи Энгельгардт, оценивавший крестьянское правосознание, писал: «Ты и не думаешь, и не гадаешь, - ань, смотришь, не по закону. Никогда ты не можешь знать, прав ты или нет. Ну и боится человек!» [22, с. 52].

Тем не менее, поскольку общественное мнение формировала все же масса писателей, представителей образованного общества, ситуация в целом оставалась хронической. Как было отмечено современниками, в печати доминировала масса хвалебных отзывов о мировых судах и критических – о критических [23, с. 76-78]. И современники, и исследователи реформы 1864 г. отмечали популярность мирового суда среди населения, доказывали, что мировые судьи, несмотря на довольно тяжелый характер их работы и небольшое жалованье, относились к своим обязанностям с большой ответственностью, проявляя уважение к представителям разных сословий [24]. На этом фоне значительно менее предметно ставились вопросы об издержках в судопроизводстве мирового суда. Между тем здесь было немало интересного. В частности, обращают на себя особое внимание противоречия между нормами обычного и законодательного права в деятельности самих мировых судов, в силу которых мировой судья очень часто оказывался перед дилеммой – решать по совести (по обычному праву) или по закону [25, с. 64-67].

В указанном контексте весьма сомнительно выглядели и рассуждения о правовой безграмотности крестьян, их неготовности к осуществлению правосудия. Кстати, даже в судах присяжных, в отличие от дворян и купцов, крестьяне, по словам А. Кони, хоть и были в большинстве своем безграмотны, выполняли возложенную на них миссию более добросовестно. Не случайно в списки присяжных вносились преимущественно именно мещане и крестьяне, а в запасные списки – чиновники, купцы и дворяне, притом преимущественно на третью четверть года, когда большинство судов ввиду летних полевых работ не делало выездных сессий [26, с. 333-334].

В итоге, как показало развитие событий в 1880-е гг., несмотря на нарастание ряда серье-

езных проблем, сословные крестьянские суды обнаружили свою устойчивость. В то же время, ориентируясь на усиление исполнительной вертикали, но, не находя для нее нужных кадров, правительство пошло на то, чтобы фактически заменить мировые суды институтом земских начальников. Министр внутренних дел 8 марта 1888 г. внес в Государственный совет новый проект правил, определяющих пределы судебных полномочий земских начальников и их съездов и порядок рассмотрения подведомственных им дел, а 28 января 1889 г. Александр III постановил: «Желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены, для того, чтобы обес-

печить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам» [27, с. 33].

Так совершенно неожиданно для образованного общества, вопреки всем проектам 1870–1880-х гг., было решено уничтожить не волостные, а мировые учреждения. И только законом от 15 июня 1912 г. мировой суд с небольшими коррективами вновь был восстановлен на основе Судебных уставов 1864 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цит. по: *Полова А.Д.* Реализация судебной реформы 1864 г. (по материалам округа Московской судебной палаты): 1864–1881 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
2. См., например: *Юридический вестник*. 1873. Кн. 2.
3. *Юридический вестник*. 1872. Кн. 3; Кн. 10.
4. *Г.Ф.* К вопросу о преобразовании волостных судов // *Отечественные записки*. 1873. Т. 1, Кн. 1.
5. *Г.Ф.* К вопросу о преобразовании волостных судов // *Отечественные записки*. 1873. Т. 1, Кн. 1.
6. *Денский В.Е.* К вопросу о преобразовании волостных судов // *Русская мысль*. 1881. Кн. 5.
7. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873. Т. 1.
8. *Крестьянский суд* // *Отечественные записки*. 1874. Т. 1, Кн. 1.
9. *Малышев К.* Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1979. Т. 3.
10. *Иванов В.* Крестьянский суд и формальное правосудие // *Русское богатство*. 1880. Кн. 12.
11. *Юридический вестник*. 1879. № 7; *Русские ведомости*. 1879. № 210; *Новое время*. 1879. № 1192; *Молва*. 1879. № 159; *Русская Правда*. 1879. № 48, 50; *Русский курьер*. 1879. №2 и др.
12. *Юридический вестник*. 1879. Кн. 7.
13. *Иванов В.* Крестьянский суд и формальное правосудие // *Русское богатство*. 1880. Кн. 12.
14. *Русская мысль*. 1981. Кн. 2.
15. *Иванов В.* Крестьянский суд и формальное правосудие // *Русское богатство*. 1880. Кн. 12.
16. *Русское богатство*. 1880. Кн. 4.
17. *Порядок*. 1881. № 11.
18. *Новое время*. 1880. 28 нояб.
19. *Денский В.Е.* К вопросу о преобразовании волостных судов // *Русская мысль*. 1981. Кн. 4.
20. *Вестник Европы*. 1879. Кн. 5.
21. *Денский В.Е.* К вопросу о преобразовании волостных судов // *Русская мысль*. 1981. Кн. 4.
22. *Отечественные записки*. 1880. Кн. 11.
23. См., например: *Русская мысль*. 1981. Кн. 5.
24. См.: *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1914; *Титов А.А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910.
25. *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // *Архив русской революции*. М., 1993. Т. 21.
26. *Кони А.Ф.* Присяжные заседатели // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений. М., 1966. Т. 1.
27. Министерство юстиции (1802–1902) // *Журнал министерства юстиции*. 1903. № 3.